

Восхождение Каваки. Начало.

Его рождение стало благословением и проклятием. В день, когда его дед Токак, старейшина клана Маногилату и предводитель племени Сельджу, погиб, нанеся смертельный удар предводительнице проклятых тварей, Свяиге, он впервые увидел мир и зарычал так, что вся взволнованная битвой дичь, испугавшись, затихла и попряталась по кустам азалии.

В тот день племя не пировало с общиной дварфов, которые всегда помогали племени в борьбе за родные земли. Сначала племя сидело перед кострищем, на котором сжигали воинов, павших в битве, разожженном на останках поверженных проклятых тварей. У каждого усопшего в руку был воткнут клинок, дабы воин мог защититься, на пути к горе Гикат, пристанищу доблестных воинов в загробном мире. Когда последние угли уже догорали, племя переместилось на лобное место напротив дома Токака и его детей. На эшафоте вскоре был разожжен костер, в центре которого лежала туша Свяиги, обезглавленная алебардой великого Токака, лично Дукаком, сыном последнего. Над костром был выставлен погребальный постамент мужественного предводителя Сельджуков с клинком Дукака в руке и щитом с фамильным гербом Маногилату на груди. А у изголовья постамента стояли ясли, украшенные головой королевы проклятых тварей. Младенец Каваки рычал, смотря на безобразную голову и сжимая в руках корону с рогами барана, которую носил его дед, и которая определила его имя, имя верховного бога пантеона голиафов, владыки-барана Каваки, великого творца и защитника; выбрав это имя, на новорожденного возложили великую надежду на то, что он станет таким же великим, как и его дед, а возможно даже и превзойдет его. Тело младенца было исписано надписями, нанесенные смесью крови Токака и Свяиги, шаманами племени, которые были уверены в том, что смерть величайшего воина и рождение его внука связаны. От неугомонного младенца ясли раскачались, и голова проклятой твари внезапно начала падать. Испуганный ребенок начал махать маленькими, но крепкими ручками голиафа и, ударив по клыкастой челюсти, отправил голову, которая упала и покатилась напрямиком в костер.

Юный Каваки снова подрался с дварфами из соседней общины, которые хоть и были на несколько лет старше его, но уступали ему и в росте и в силе, однако их было больше и, он бежал со всех ног домой. Забежав в тусклую, комнату памяти, Каваки понял, что попал в ловушку. В дверях стояли четыре дварфа, потирая кулаки и разминая шеи, предвкушая

предстоящую расправу. Голиаф попятился назад и вдруг столкнулся с доспехами Токака, которые, начиная с 4 лет, и вот уже 5 лет подряд, он начищает до блеска и обтирает экстрактом сатанинского гриба. Стойка покачнулась и на голову юнца упала корона с венчающимися на ней демонического вида рогами горного барана, выкованными, как и сама корона, из неизвестного металла много столетий назад. Эта регалия, по легенде, была подарена первому отцу рода Маногилату слепым кузнецом, который, по той же легенде, ковал доспехи и оружие для самого владыки-барана, она находила нового владельца раз в сто лет и никогда не ошибалась в «выборе». Тяжелые рога легли на плечи молодого голиафа, и вдруг рядом с ним упала перчатка доспехов Токака, и он понял, что сейчас упадет алебарда. Из всех сил Каваки схватил древко величественного оружия, которое было в два раза выше его самого, и удержал его, когда клинок был уже на полпути к голове одного из дварфов-преследователей. Неизвестно что тогда произошло в его голове, но юный голиаф внезапно развернул руку, украшенную шрамом от клыка Свяиги, и надавил на древко, опустив недавно заточенное им самим лезвие алебарды на дварфа и расколов пополам его череп. Увидев, что случилось с их товарищем, оставшиеся дварфы, забрызганные кровью, с криком убежали. Единственное чего они не поняли – то, что алебарда упала не сама. Каваки рассказал все отцу, но тот не стал говорить об этом главе дварфьей общины. Через 4 дня дварфы, в тот день преследовавшие юного голиафа бесследно пропали. Они всегда были глупцами, и никто не сомневался в том, что их утащили проклятые твари во время очередной прогулки за пределами положенных мест. И никто не нашел и следа, ведь их тела с разрубленными пополам головами были сброшены в подземный источник, уходящий вглубь гор. А их палач определил свою судьбу.

Шли годы, Каваки рос настоящим воином, был превосходно сложен и был на порядок выше любого соплеменника, однако его не прельщали боевые вылазки и охота на дичь, больше всего ему нравились общение с верховным жрецом племени, который учил юного голиафа древним языкам и практика во владении алебардой великого Токака. Голиаф был странным, очень отдалялся от племени, очень живо со всеми общался, но никто толком о нем и о том, как и чем он живет, не знал, был всегда холодным и расчетливым, не боялся причинять боль и страдания, жертвовать всем ради победы, хотя, возможно, именно эта черта делала его хорошим лидером во время военных действий. Конфликты он решал всегда просто – вызывал противника на поединок, выбивал из него весь дух, затем притаскивал его

безвольное тело на эшафот, ставил на колени и раскалывал пополам его череп. Некоторые поговаривали, что он выламывал грудные клетки врагов, вырезал их сердца и съедал их, но сам великан лишь усмехался над подобными слухами. Хотя никогда и не утверждал обратного, что наводило еще больший ужас на тех, кто слышал о нем. В те темные времена лишь страх перед массивным голиафом, в короне с бараньими рогами сдерживал dwarфов от прямых конфликтов с племенем. Пропадали и великаны и недоросли, и лишь избранный круг знал, что происходило на самом деле.

Голова Мазрика раскалывалась от боли, он ощущал, что его руки закованы и все его тело обездвижено так, что он не может даже пошевелиться. В нос ударил жуткий смрад, как будто огр, питающийся трупами и зловонным горючим маслом проглотил dwarфа и подох, так и не переварив. Мазрик приоткрыл глаза. Тьма. Неужели ослеп? Он отчетливо ощущал, что его глаза зрячие, но вокруг настолько темно, что даже ослепшие от вечного полумрака богомерзкие твари испугались бы такой крошечной тьмы. Руки, ноги и голова его были прикованы к чему-то настолько плотно, что он не мог сделать и движения, но настолько деликатно, что руки не немеют и он даже ощущал движения воздуха кончиками пальцев. В темноте помимо мелких движений, определенно создаваемых мелкими насекомыми, чувствовалось чье-то присутствие. Вдруг, откуда-то из за головы, зловещий, похожий на лязг металла голос, что-то прошептал, да так прошептал, что в уши заложило, это было скорее странное, шипение, похожее на змеиное. В воздухе появился шар фиолетового пламени с черной сердцевинкой, который почти не испускал свет, затем он распался на четыре части, которые поднялись к потолку и разлетелись по углам, создавая освещение, каким оно бывает в лесу, в поздние сумерки. Когда Мазрик наконец смог сфокусировать зрение он осознал, что прикован к некоему подобию стола, скорее напоминающего алтарь, и стоящего под небольшим углом, а позади него фигура в длинном плаще и капюшоне из под которого торчали блестящие бараньи рога. Силуэт протянул руку вперед, и сын лидера dwarфьей общины едва различил зловещую, широкую ухмылку, которая сверкнула из-под капюшона и была похожа на улыбку существа, которое встретило лицом к лицу саму смерть, и сыграло с ней в кости на собственную жизнь. Рука сделала жест ладонью вниз, и огоньки опустились на пол будто на разлитое по комнате масло, которое вспыхнуло замысловатым узором и залило фиолетовым светом всю комнату, а вернее было бы сказать темницу или даже комнату ужасов. Если бы Мазрик не обладал сильной волей, он бы в тот же момент сошел с ума. Его

окружало покрытое мхом и паутиной помещение, судя по сырости находившееся где-то под землей, с высоким потолком и давящими, сужающимися кверху стенами, покрытыми пятнами крови, вокруг были развешаны тела, некоторые висели боком, некоторые вниз головой, у многих были ужасные гноящиеся язвы на теле, тела содрогались от агонии и истекали кровью, а в углах комнаты лежали полуразложившиеся трупы, в чьих глазницах кишели личинки мух, поедающих плоть покойников. Лица фигуры по-прежнему не было видно из под капюшона, хотя комната была залита светом, как и темно-серый длинный плащ, измазанный кровью и с обилием разных инструментов на поясе, но дварф уже понимал, чьи рога торчат из под капюшона, чью сумасшедшую улыбку он видел и что его ждет. Он собрал всю свою волю в кулак и прокричал «ТЫ НИЧЕГО ОТ МЕНЯ НЕ ДОБЬЕШЬСЯ!!» Вдруг одно из повисших тел зашевелилось и что-то захрипело, но было понятно, что связки его были разорваны. Фигура голиафа что-то задвигала, и Мазрик ощутил, как на голову его льется тонкая струя ледяной воды, которая уже начинала медленно расшатывать его нервы, но он был сильным и держался. Кавачи снова улыбнулся и медленно пошел в дальнюю часть камеры смерти, по пути ударив тушу, которая хрипела несколько мгновений назад, а, развернувшись, оказалась лучшим другом Мазрика, который пропал всего 2 дня назад. Исполин подошел к одному из трупов дварфов и вырвал обе его руки. Его громогласный рычащий голос громко проговорил «Самый ужасный яд, из существующих натуральных, — трупный. Он не влияет на мозг, оставляя человека в сознании, но поражает все ткани, если попадает в рану и буквально пожирает организм». Он заткнул за пояс рядом с инструментами одну из рук, а со второй одним рывком сорвал полусгнившую плоть и мышцы предплечья, а затем сильным движением вогнал кость прямо в правую часть груди повисшему дварфу, который закашлялся кровью и захрипел от боли. Мазрик понял, что лучше умереть сейчас, чем терпеть весь ужас, который ему предстоит, и, быстро собравшись с силами, только раскрыл рот, чтобы откусить себе язык, поймал мощный и быстрый удар, выбивший ему верхние передние зубы, клыки и сломавший часть нижних. Кавачи достал нож, который годился бы дварфу в добрый меч и двумя быстрыми движениями сделал насечки на лице и груди недоросля. Затем он сорвал пальцы с прогнившей руки и выжал их сначала на лицо, а затем на грудь узника. Накатывающая острая боль пронзила его тело, и он понял, что должен, во что бы то ни стало, сохранить все, что он знает лишь у себя в голове, пусть это и будет стоить ему настоящего ада. Палач вырвал кисть из плечевой кости и швырнул ошметки в лицо

дварфа, который, отплевываясь беззубым ртом, не был готов к тому, что кость воткнут ему в запястье. Голиаф не задавал никаких вопросов, он просто истязал пленника физически и психически. Достав из складок плаща мешочек с неким подобием муки, он зачерпнул горсть рукой, ударил Мазрика в солнечное сплетение и когда тот начал задыхаться от боли дунул на порошок так, что он забил глотку дварфа. Но последний еще не подозревал о том, зачем это было сделано, все, чего он хотел это пить и Каваки протянул ему огромную, обтянутую блестящей кожей неизвестной рептилии, флягу со странной на вкус, но приятной водой. Мазрик знал, что в чем-то подвох, но его рот жадно глотал воду, потому что сухость жгла его глотку и заставляла ее трескаться. Однако, когда узник уже утолил жажду палач не спешил убирать бутылку; когда же наконец он это сделал, а желудок дварфа был просто переполнен – он снял горло бутылки и показал ее наполнение. Мазрика при виде плавающих в воде глаз, которые точил червь начало рвать, однако голиаф зажал его рот могучей рукой, пока спазмы не утихли. Затем Каваки ушел. Дварф был неподвижно прикован фиксатору, тонкая струя ледяной воды сводила с ума, продолжая течь на одну и ту же точку на голове, яд отравлял тело, которое билось в агонии от так до конца и не спавших спазмов в желудке, рвоты, опорожнения кишечника и жутких болей. Сын величайшего лидера общины был сломлен всего за несколько часов. Он рыдал, как дитя, смотря в безумные, наполовину заплывшие гноем глаза своего друга и слыша стоны членов общины, из которых так же выбивали информацию ужасными пытками. Каваки вернулся в камеру, когда всхлипывания прекратились. Он знал, что успокоившийся дварф еще хранит веру в то, что он сильный, раз выдержал все это. Голиаф вошел с алебардой наперевес, и, когда увидел, что глаза Мазрика засияли светом надежды на скорое избавление от мук, одним махом снес с плеч голову его лучшего друга. Затем он насадил ее на верхушку алебарды и, выпустив древко из рук, снова прошептал что-то тем демоническим громогласным шепотом, алебарда взлетела и повернулась в воздухе горизонтально над землей прямо над дварфом так, чтобы уже при жизни начавшее разлагаться лицо было прямо напротив лица Мазрика. Затем он вышел из поля зрения и выключил капающую воду. Победенный, униженный, трясущийся, на грани срыва – Мазрик смотрел в лицо друга, с которого на него капали гной и кровь. А Каваки впервые действительно тихо и спокойно произнес: «Рассказывай все», и замолчал. Узнав о планах нападения на племя, он сбросил голову с алебарды и, решив, что ему больше не

понадобится дварф, ловким движением разрубил пополам его голову, а затем с мерзким хрустом оторвал обе половины от тела и бросил их в небольшой мешок.

В ту ночь в общине было тихо. Дварфы плотно попиروвали, чтобы уснуть на всю ночь и весь день, дабы набраться сил для ночного нападения на племя. Однако спали они не из-за этого, а из-за дурманящего зелья, подлитого в бочки с напитками, которое не должно было усыплять, но делало сон крепким и абсолютно нечутким. Глава общины Разек проснулся от вони, ударившей в его нос. Запах был ужасающим, и, проснувшись, он увидел две половины черепа собственного сына, лежащие рядом с ним на подушке. У кровати стояла высокая фигура с алебардой за спиной, цепью в руке и в капюшоне, из под которого виднелись рога и скалящаяся, болезненная улыбка. Безоружный Разек ничего не мог предпринять против исполина, в два раза выше его самого: закованного в цепь и с мешком на голове главу дварфов закинули за спину и понесли. В тот день на эшафоте горел огромный костер. Дварфы высшей касты, под угрозой расправы, складывали трупы своих в огонь, а затем их выстроили в линию и заковали в одну длинную цепь. Разека держали поодаль, он наблюдал за бесчинством и впивался руками в собственные ноги, сдавливая плоть до крови. Голиаф с короной, увенчанной рогами горного барана, палач великого племени Сельджу начал отсчет. Он разрубил пополам десять черепов оставшихся знатных дварфов. На эшафоте осталась лишь жена Разека и он сам. Каваки подошел к некогда могучему лидеру общины и что-то тихо сказал. Разек взглянул в глаза жены, которые были полны отчаяния, подошел к телам своих приближенных и начал лично перетаскивать их в кострище. Сопровождаемый двумя могучими голиафами его подвели к жене, один из голиафов рыкнул «Прощайся, старик». Разек сделал шаг в сторону любимой жены, и вдруг в его лицо брызнула горячая алая кровь. Он смотрел на торчащую поперек головы его любимой алебарду и его глаза налились кровью, он прокричал: «ТЫ ЖЕ ОБЕЩАЛ!!», бросился к жене, и тут же был проткнут двумя пиками сопровождавших его. Некогда великий лидер упал на колени, его участь была предрешена, могучая алебарда опустилась на его голову, бездыханное тело брошено в огонь. Община дварфов была истреблена.

Прошло четыре года, клан вырос и разрастался по всей горной территории, проклятые твари внезапно исчезли, а единственная оставшаяся принадлежала Каваки и обитала на территории его личного дома-лаборатории, который находился на вершине пика Гатот, самой высокой точки в горах, теперь всецело принадлежавших Маногилату. Поговаривали, что он

нашел древние скрижали Тоака, которые тот тайно хранил как зеницу ока, так как не мог уничтожить, а их содержание было настолько отвратительно и зловеще, что даже боги отказались от них и сбросили в глубину необитаемых гор. Немногие голиафы обладали особыми способностями к магии, те, кто проявлял их с детства, отдавались на обучение к шаманам и овладевали магией духов и основам боевых и лечебных заклинаний, но не более. Голиафы могущественные воины, а не кудесники-чудесники, которые в бою полагаются только на то, что успеют махнуть руками. К тому же голиафы, даже будучи великими воинами, оставались горой каменных мускулов, и совершать деликатные движения было не так уж просто, именно поэтому среди них практически нет искусных фехтовальщиков, а ведь неаккуратное движение может просто уничтожить союзников, нежели врагов. Однако Каваки, как очень влиятельную личность племени, никогда не осуждали за его практику, которая явно выходила не только за грани дозволенного, но и вообще за грани всеобщего понимания. Многие видели как в чистую звездную ночь прямо в пик Гатот била молния, некоторые привыкли, но большинство все равно смотрели с опаской, когда, просто разжав кулак, в могучей ладони голиафа появлялся огненный шар фиолетового цвета, а кто-то даже говорил, что видел такое пламя с черной сердцевинкой. Он без произношения заклинаний каких-либо сращивал кости ног своей жены, когда на ту, напали проклятые твари, хотя шаманы говорили, что это безнадежно, и она даже стоять толком не сможет. Кто-то даже считал, что он может читать мысли любого существа и управлять теми, чья воля была слаба, например проклятыми тварями и торговцами, которые, приходя в горы, делали клану всевозможные подарки и хорошо сбрасывали цену на товары. Дукак сначала был обеспокоен отчужденностью и странными исследованиями сына, но вскоре осознал, что Каваки является прекрасным лидером, очень многое знает о древней культуре голиафов, прекрасно владеет как ближним боем, так и искусством шаманов и даже перерос в этих познаниях верховного жреца племени. К тому же у Каваки родился очень одаренный сын, который во многом был похож на отца и на всех предков по мужской линии, включая самого Дукака и своего прадедушку Тоака. В 4 года он уже бегал с деревянным молотом, который в детстве так любил Каваки, и с энтузиазмом дубасил всевозможную дичь, которая водилась в округе, включая «питомца» возле лаборатории. На спине мальчика, которого называли Докак, одновременно в честь деда и прадеда, красовалась татуировка со странным символом, которая, как утверждал сам Каваки, станет ключом к его предназначению.

С тех пор, как Докак получил последнюю татуировку, прошло четыре дня. Ему было десять. Прошел год с тех пор, как отец впервые приказал ему убить члена племени для странного ритуала в своей лаборатории. После этого Докак истязал, а затем обескровливал еще двоих голиафов, включая своего близкого друга, а так же сорок проклятых тварей, которых отец приводил ему откуда-то из глубины горы под лабораторией. И вот настал день, когда Каваки приказал ему привести свою мать и провести ритуал над ней. Юного голиафа терзали сомнения, ему было страшно, и он, наконец, решился рассказать все деду и матери. Все было ясно. Каваки готовил какой-то демонический ритуал, ради которого ему нужна была могущественная душа, раздавленная собственным горем. Кровавый Эшафот стоял скованный цепями на том самом эшафоте, на котором он казнил врагов, неверных и предателей. Все племя собралось вокруг. Докак сам вызвался казнить собственного отца, так он хотел смыть со своих рук кровь тех, кого он убил ради черного ритуала. Могущественный голиаф сверкнул глазами, и корона с его головы поднялась и опустилась на голову юному Докаку. Теперь он был готов. Дукак держал сына за плечо. Взмах алебарды. Отвратительный, отзывающийся эхом в самой душе треск переломанного черепа. Лезвие алебарды коснулось основания шеи великого голиафа, потомка величественного Токака. Все племя ужаснулось. Голова могучего предводителя племени Дукака была разрублена его собственным внуком. Зеленые глаза Каваки загорелись фиолетовым пламенем. Докак развернулся лицом к племени, его глаза горели таким же огнем, а татуировки по всему телу переливались пурпурным свечением, будто по ним, как по небольшим каналам, текли чернила. Цепи с Каваки упали, будто бы их повесили просто так, хотя они были укреплены печатями шаманов, дабы запечатать все физические и духовные силы голиафа. Все племя было окружено кольцом фиолетового пламени с черной сердцевинкой. Четыреста голиафов не могли сделать и шага, все застыли в оцепенении, в ожидании того, что будет дальше. И тут Докак закричал «За что отец?! Я не хочу!! Не делай этого со мной!! ПРОШУ ТЕБЯ!!» Но он продолжал двигаться к кольцу огня с тяжелой алебардой наперевес. Из круга, словно притянутая за невидимые нити появилась мать Докака, она была буквально выволочена из толпы. В ее глазах, как и в глазах сына, читались ужас и отчаяние. Было видно, что он хотел зажмуриться, но не мог, его крепкие руки вскинули оружие над головой и со всего маху опустили клинок прямо на голову той, из чьей крови и плоти были рождены, а теперь были забрызганы ее же кровью. «НЕТ!!» С треском и хрустом его руки раскачивали древко, чтобы достать глубоко засевшее топорщице. А затем

началось то, что он видел уже множество раз. Но теперь это происходило само собой. Кровь из тела стремительным потоком вливалась в концы рогов на короне и те начинали переливаться, будто отражают тысячи солнц и лун.

Но это был еще не конец. Круг разверзся, молодой Голиаф вошел в него и перед ним стояли самые сильные воины племени с обнаженным оружием. Могучим усилием воли Докак слегка повернул голову и увидел, как его отец встает в боевую стойку; это был смертоносный стиль, которым владел сам Токак, но Каваки далеко превзошел его и, некоторые были свидетелями подобного, был способен победить в одиночку два десятка профессионально-обученных бойцов. Тело Докака изогнулось и приняло ту же стойку, Докак понял, что сейчас ему предстоит смертельный бой. Его ослепляло отчаяние, и сердце его билось так, что казалось горы начнут пульсировать с ним в один ритм. Прежде чем сын великого палача смог опомниться, он уже стоял среди окровавленных и обезображенных трупов сильнейших, тех, кого он с детства уважал и на кого хотел быть похожим. Четверо мудрейших старейшин племени, не ушедших во тьму, как это принято у голиафов, когда те перестают быть воинами, выступили вперед перед шаманами и остальными взрослыми племени. Мгновенным рывком и ударом, от скорости которого воздух разразился громом, Докак буквально снес головы мудрецам, а затем, подкинув алебарду высоко над головой, сжал кулаки, как это обычно делал его отец и, резко растопыбив пальцы, выжег молниями сердца тех, кто стоял перед ним. Подняв руку и поймав древко оружия, которое было наследием его прадеда, он застыл на месте. Его душа готова была вырваться из тела, когда глаза восприняли то, что произошло в мгновение ока: перед ним лежало полсотни соплеменников, хрипевших в предсмертных мучениях, с дымящимися грудными клетками. Вокруг него была кровь, он сам был в крови, у его ног лежала голова одного из старейшин, чью мудрость он так уважал. Он тихо прошептал: «Пожалуйста», но Каваки был неумолим. Правая нога молодого голиафа поднялась и наступила на череп, который треснул, издав леденящий душу хруст. Приняв ту же ужасающую стойку, тело ринулось вперед, изрубая и кромсая на части всех, кто оказывался ближе, чем на два метра. В ушах Докака звенели крики, он видел искореженные болью лица, плюющиеся кровью, видел оторванные части тела, летящие во все стороны, его тело кружилось в смертельном танце, руки двигались как танцующие драконы, а ритм сердца слился с ритмом бившихся о землю тел. Он остановился. Перед ним стояли его друзья, те, с кем он рос, с кем вместе тренировался, девять детей,

включая трех младенцев на руках. Тело двинулось к ним. Схватив за шею самого старшего, который вышел вперед, неловко обороняясь поднятой тяжелой палицей, Докак кинул его оземь и с жутким треском вогнал ему в грудную клетку алебарду, да так, что та вошла на четверть в землю. Руки отпустили рукоять, ноги двинулись к оставшимся. Это был апогей. Собственными руками он с отвратительным хрустом переломал шеи еще двоим, затем выхватил одного из младенцев, сорвав с неокрепшей шеи маленькую голову и бросил ее на землю, наступив и раздавив ее, а острый торчащий из безжизненного туловища позвоночник воткнул в грудь державшему ребенку. Ужас читался в глазах оставшихся четверых. Это был конец. Их тела оцепенели, а Докак уже практически смирился с тем, что ему предстояло сделать. Кровь покидала бездыханные тела вокруг, иссушая их, и наполняла рога, которые уже буквально светились. Когда последнее безжизненное тело глухим ударом упало на землю, он вновь почувствовал, что снова владеет собственным телом. Обернувшись, он увидел отца. Он стоял со своей алебардой прямо перед ним. Докак снял со своей головы тяжелую корону с бараньими рогами, опустил голову, и потупил взгляд. Затем он поднял голову и смотрел в холодные глаза того, кем он мечтал стать с малых лет: величественный исполин, самый высокий и сильнейший в племени, голиаф, познавший тайные магические искусства на высочайшем уровне, тот, кого боялись и кем восхищались все, кто хоть раз видел его на поле боя: даже будучи командующим, он никогда не стоял в стороне и шёл на врага в первом ряду, – теперь это всё в прошлом. Тело оцепенело, ноги и руки не слушались. Лицо Каваки исказила зловещая улыбка, улыбка того, кто насмехается над жизнью, смертью и самой судьбой. «Когда новый и последний король предаст забвению всех своих людей, а кровь четырехсот сорока четырех трупов наполнит эти рога, король отречется от престола, а изгнанный палач, казнивший предателя, обретет силу богов». Докак был просто пешкой в руках палача; раскрыв предательство отца, он обрек его на изгнание и отречение от племени, убив собственного деда, он стал наследником. Последний король, чьими руками было предано забвению племя. Сняв корону, он символически отрекся от своего титула главы племени, хоть она и не была регалией лидера, и поставил точку в плане, который Каваки составил еще много лет назад. Корона взлетела вверх и опустилась на голову истинного владельца. Тяжелая алебарда взмыла к небесам. Каваки громогласно прошептал какую-то фразу на древнем языке, который раньше он употреблял в ритуалах и заклинаниях, и слова которого не были похожи ни на один из тех, которым Докака учили отец и верховный жрец

племени. Наточенный клинок опустился на голову молодого Голиафа и вошел в тело по самую грудь. Изгнанный палач казнил предателя-короля. Отец хладнокровно убил собственного сына.

Луч кроваво-красного света откуда-то сверху пронзил Каваки и он начал ощущать невообразимую силу, которая медленно наполняла его. Он увидел водоворот душ убитых соплеменников, который сужался и поглощался его телом. А затем он увидел его. Величественного голиафа с рогами барана, который со скорбью смотрел на новоявленного бога, того кого называли в его честь. «Когда ты осознаешь что ты наделал ты станешь таким же как я, ослабшим от отчаяния и тоски старцем, который отгоняет ночных призраков от окон маленьких детей.. Как и я ты не перенесешь собственного злодеяния». Каваки усмехнулся: «Ты слаб, но дух твой по-прежнему божественен, так стань же частью меня!!» Обхватив сильными руками владыку-барана за голову, Каваки вонзил свои большие пальцы ему в глаза, и бесплотный дух полностью вошел в тело смертного, который стал богом, и который в одночасье стал в два раза могущественнее. Обод короны на голове исчез, рога стали частью его головы, рост увеличился вчетверо, Каваки ощущал, что стал сильнее могущественных титанов, о которых он слышал из легенд. Взлетев на пик, ударом кулака он обрушил стену своей лаборатории и забрал камни, которые хранил Токак. Первую скрижаль он раздавил, а из пыли сделал кольцо, которое вставил себе в язык, чтобы никто никогда больше не нашёл скрижаль и не увидел того, что было написано на ней, а вторую и третью он убрал в один из карманов на поясе. «Это еще не все.. Я заставлю других богов склонить свои головы предо мной. Теперь я новый и единственный владыка-баран Каваки. А скоро я стану Кровавым Эшафотом самого Граста, высочайшей горы мира, пристанища всех величественных богов».